

«СВОЯ» И «ЧУЖАЯ» ИСТОРИЯ ИСТОРИКИ-МЕДИЕВИСТЫ МЕЖДУ МИРОВЫМИ ВОЙНАМИ И СОЦИАЛЬНЫМИ ПОТРЯСЕНИЯМИ*

«Национальная идентичность» и «историческая память» – интеллектуальные концепты, которые вырабатывались интеллектуалами и историками, и позже ими же подвергались деконструкции. Естественным выбором при анализе этих концептов видится работа с казусами интеллектуальных биографий, с «историей историков». Автору представляется важным сосредоточить усилия на изучении последних поколений историков, пользовавшихся этим концептом в смысле ре-конструирования, а не де-конструирования понятия. Особым исследовательским интересом стали биографии историков-медиевистов и итальянистов. Притягательность этих казусов биографий в качестве объекта изучения связана частично со специализацией автора, но частично и с тем, что представители школ медиевистики (как в первой половине XX столетия, так и позже), действительно, являлись авторитетами для всей корпорации историков своей страны, умели переключаться на другие, более поздние периоды истории, а также остро реагировали на вызовы современного им мира.

Ключевые слова: историческая память, идентичность историка, интеллектуальная биография, медиевистика, итальянистика.

«...Теории и школы – те же микробы или кровавые шарики: пожирают одна другую – и от этого зависит непрерывность бытия».
Марсель Пруст. Содом и Гоморра.

В центре настоящего исследования – интеллектуальные биографии медиевистов начала XX в. и те роли, которые вольно или невольно играли историки в социальном поле и поле науки на протяжении десятилетий с рубежа XIX–XX вв. и вплоть до окончания Второй мировой войны и первых мирных лет. Само понятие «интеллектуальная биография», разумеется, неоднозначно и подразумевает различные трактовки. Кроме того, в сходных по тематике исследованиях (относительно интеллектуалов первой половины XX в.) некоторые современные авторы не употребляют термин интеллектуальная биография (как не употребляли его в сам изучаемый период), другие же делают его ключевым¹.

В университетских курсах и на университетских сайтах (как российских, так и зарубежных) этот термин присутствует, в обосновании специальных курсов, которые нацелены на обучение описанию интеллектуальной биографии, обычно приводятся объяснения, что такой подход требует изучения интеллектуальной и творческой активности инди-

---

*Статья подготовлена при поддержке РФФИ (проект № 13–06–00301а), а также в рамках проекта «Историческая память как фактор национальной идентичности: опыт сравнительно-исторического исследования» по Программе фундаментальных исследований Президиума РАН «Историческая память и российская идентичность».

¹ См., например: Caldwell 2004; Caserta 1983.

вида, а также взаимосвязей между «жизнью» и «творческой работой» интеллектуала, а, кроме того, анализа исторического значения интеллектуального наследия². Думаю, последний пункт, как и оценка по какой-либо шкале «высоты» интеллектуального труда моих героев, не являются принципиально значимыми. Связь же между интеллектуальной академической активностью, общественной и просветительской деятельностью и просто обстоятельствами бытовой жизни историков-интеллектуалов представляется мне крайне важной темой изучения, как и широта спектра интересов интеллектуала.

Пользуясь определениями Пьера Бурдьё, можно сказать, что речь идет о связи полей: например, поля науки и поля литературы (журналистики) с полем политики³. С одной стороны, исследования по теме идентичности историков должны углубляться в вопросы истории исторических дисциплин, с другой стороны, такие изыскания затрагивают самые болезненные точки пересечений социально-политического и общественного с индивидуальным и интеллектуальным. Характеристики и классификации особенностей идентичности той или иной группы, общности – это статика, а эволюция научных взглядов и складывание школ историографии – даны в динамике процессов. Как возможно объединить и то, и другое в одном ракурсе, в поле зрения исследователя?

Интеллектуальная история – это не только и не столько «история интеллектуалов», как предполагает Википедия, сколько система подходов и методов изучения взаимодействия социального, политического и интеллектуального поля, хотя центром этой системы вполне может быть казус интеллектуальной биографии⁴. Итальянистика и итальянисты – сложный объект исследования, который весьма подходит для изучения именно с позиции интеллектуальной истории, принятия такой исследовательской стратегии или видения (или же, используя итальянский термин – *ottica*). Интеллектуальная история – это, разумеется, не просто истории про интеллектуалов, не просто подробности биографии или *currículum vitae*, но способы конструирования интеллектуальной идентичности – один из важных моментов изучения в рамках этого подхода. В сфере внимания интеллектуальной истории не один центр притяжения, наоборот, непременное условие работы метода – анализ одних и тех же аспектов в разных контекстах.

Представляется научно плодотворным проследить ряд сюжетов, связанных с проявлениями идентичности интеллектуала, представителя классического гуманитарного знания – итальяниста, медиевиста, не

---

² См., например, подготовленный для университета Орегона курс *Intellectual Biography Guidelines* (Spring 2004, “Women Thinking”) // <http://pages.uoregon.edu/eherman/teaching/460/s04%20intellectual%20biography%20guidelines.htm>

³ См., например: Бурдьё П. Поле политики...

⁴ Репина 2008; 2011.

только в рамках собственно академической активности, не столько в плане совершенствования успехов в своей исторической дисциплине, но в более обширной сфере деятельности. Я подразумеваю не просто интеллектуала-историка, владеющего спектром смежных гуманитарных компетенций и познаний, например, навыками в области юридических и филологических наук. Интеллектуальная биография существует не только в рамках собственно академической активности, исторической науки, но в различных полях деятельности, в разных жизненных обстоятельствах и социально политических контекстах⁵.

Прежде всего, важно увидеть проявления социальной и политической активности интеллектуала в кризисные моменты эпохи, в связи с переломными периодами истории, временем поисков национальной идентичности, крушения и создания новой государственности. В данном отношении XX век демонстрирует чудеса: академичные, дабы не сказать аутичные, сконцентрированные на тонкостях изучения архивных материалов источниковеды, становятся популяризаторами, пишут для максимально широкой аудитории, легко переключаются не только на новые сюжеты исследования в рамках исторической дисциплины, но выходят в иные сферы деятельности, например, занимаясь литературоведением и публицистикой. Особенно любопытна в этом смысле судьба привилегированных «придворных» историков, влиятельных и имеющих массу зависимых протеже «баронов» научного мира, которые вольно или невольно должны заниматься массой сюжетов, контролировать идеологическую направленность работ по нескольким направлениям, заниматься учебниками, учебным процессом и энциклопедиями. По иронии судьбы такова же участь самых маргинальных и ущемленных – лишенных работы и пораженных в правах у себя на родине или же беженцев, эмигрантов, которые вынуждены братья за любую работу, не могут держаться избранной специализации и узких профессиональных рамок по жестокой необходимости. Нередко именно это приносит известность, если не славу таким подневольным работникам.

Меня, прежде всего, интересует историк, который находится на границах культур, преодолевает препятствия и барьеры, раздвигая, в т.ч., и границы собственного опыта (осуществляет зарубежные поездки, научные экспедиции или, наконец, эмиграцию). В то же время, можно предположить, что, даже не покидая родных мест, но встречаясь с вызовами эпохи, историк, кабинетный ученый, меняет свою идентичность коренным образом в моменты социальных кризисов и глобальных перемен. В тот исторический момент – перед назревающими мировыми войнами и в межвоенный период, когда вопросы строительства государства и национальной идентификации обсуждались и на уровне политического дискурса, и с точки зрения обывателя, историки, интеллектуалы, есте-

---

⁵ Репина 2013.

ственно, тоже не могли обойти вниманием эти вопросы, ни в публицистических дискуссиях, ни собственно в академической сфере.

Нет ничего странного в том, что в Италии влиятельными интеллектуалами являлись специалисты по «отечественной» средневековой истории, ведь этот период – время великой славы Италии, а образование, которое требуется специалисту-медиевисту, действительно отличается высоким стандартом, предполагает обучение, как древним, так и новым языкам, и широкую эрудицию. Получившие блестящее образование итальянцы и медиевисты представляли в Италии сам цех историков в буквальном смысле слова: являясь лидерами профсоюзов, сотрудничая в прессе, в энциклопедических трудах. Не удивительно, что интерес к истории средних веков и попытки возвести современные феномены к средневековым корням, имели место в Италии.

Но и в России именно итальянистика (романистика) была необыкновенно привлекательна для интеллектуалов и для читающей публики – это был повод к обсуждению республиканских идеалов, правовых основ, самой идеи свободы, но не в меньшей степени и вопросов средневековой истории церкви и религиозности в Европе и Италии, «стране святых чудес»⁶. Кроме того, романистика и медиевистика, если брать специализацию по историческому периоду, была на высоте, создалась целая школа блестящих ученых, избравших такую специализацию, причем ученых, активных на общественном поприще.

Можно выделить, говоря об интересующем нас начале века, группу образованных молодых людей, близких по социальному происхождению (выходцев из небогатых, но привилегированных семей) и годам рождения: 1870 – начало 1880-х гг. Для большинства из этой плеяды, как и для родоначальников школы медиевистики в России, были характерны интернациональные корни и, в той или иной степени, либеральные взгляды.

Общими «прародителями» для этих ученых-медиевистов можно считать В.И. Герье и И.М. Гревса.

Владимир Иванович Герье (1837–1919) – член-корреспондент Санкт-Петербургской академии наук (1902), профессор всеобщей истории Московского университета, родился в семье потомков выходцев из Германии, приехавших в Россию в конце XVII в. и полностью обрусевших. Будучи сторонником конституционной монархии, он все же слыл либеральным профессором, вступаясь за опальных студентов и настаивая на неприкосновенности внутриуниверситетской жизни.

---

⁶ Это выражение «страна святых чудес» употребил славянофил А.С. Хомяков, назвавший в своем стихотворении «Мечта» (опубл. в 1835 г.) Западную Европу («дальний Запад», «Запад величавый») «страной святых чудес». Достоевский неоднократно использовал в своих произведениях то же выражение, например, в «Дневнике писателя»: «О, знаете ли вы господа, как дорога нам, мечтателям-славянофилам... Европа, эта “страна святых чудес”!.. Европа нам второе отечество, – я первый страшно исповедую это и всегда исповедовал».

Иван Михайлович Гревс (1860–1941) – историк-медиевист, специалист по истории Римской империи, педагог, краевед и, как и Герье, общественный деятель. Теоретик и проводник экскурсионного метода в преподавании истории, выходец из дворянского рода с шотландскими корнями. И.М. Гревс лично принимал участие в политическом студенческом движении и в народовольческих кружках.

И.М. Гревс и В.И. Герье дали научной специализации по медиевистике массу тем. В паре учитель-ученик была задана модель если не соперничества, то ухода ученика, несмотря на общность исследовательских интересов, на собственную стезю и разрыва с учителем из-за стилистических и методологических разногласий. Для дальнейшего развития русской италянистики и романистики характерна такая модель: с Гревсом перестанут находить общий язык более молодые коллеги-итальянисты Карсавин, Оттокар и Бицилли, хотя все они (так же, как и О.А. Добиаш, А.Н. Шебунин, Л.Я. Ганчиков) вышли в научную жизнь благодаря семинарским занятиям Гревса и его личному участию в их судьбе.

Особое положение занимает в ряду медиевистов русской дореволюционной школы Ольга Антоновна Добиаш-Рождественская (1874–1939), первая женщина Российской империи, получившая ученую степень по истории и статус преподавателя, специалист в области романистики, медиевистики, палеографии и писательница, член-корреспондент АН СССР. Добиаш родилась в семье профессора-эллиниста, семья отца была чешского происхождения. Талантливая девушка получала образование на Бестужевских курсах, где училась (1895–1899) у профессора И.М. Гревса, но в 1899 г. за участие в политических волнениях студентов была из курсов исключена. После хлопот профессоров учеба была продолжена, а затем, по приглашению Гревса, выпускница сама служила на Высших женских курсах (Бестужевских), с 1907 г. – преподавателем, с 1916 – профессором. В 1908–1911 гг. она была в научной командировке во Францию, подготовила диссертацию «*La vie paroissiale en France au XIII-e siècle d'après les actes épiscopaux*» и получила степень доктора Парижского университета (1911). По возвращении на родину Ольга Антоновна защитила магистерскую диссертацию «*Церковное общество во Франции в XIII в.*», а в 1918 г. ей было присвоено звание доктора всеобщей истории за диссертацию «*Культ св. Михаила в латинском средневековье*». Италянистика не была специализацией Добиаш, но в сферу ее работы по истории средневековой европейской культуры и специально по истории письма, по истории паломничеств и Крестовых походов, входили итальянские сюжеты, а также и по линии изучения истории церковного прихода возникали мотивы, связанные с итальянским средневековьем.

В принципе, можно сказать, что фигура Добиаш стоит в изучаемом ряду медиевистов особняком, с другой стороны именно эта фигура важна как связующее звено между дореволюционной и постреволюционной эпохами (а также как свидетельство успешного развития системы обра-

зования дореволюционной России, начинавшей включать одаренных женщин и представителей небогатых семей, эта тенденция смогла сказаться в полную силу после революции). Добиаш не разочаровалась ни в ученом наставнике своей юности, ни в реалиях жизни послереволюционной России, хотя и подвергалась в советское время нападкам за «идеализм». Но, если рассматривать эту ситуацию внимательнее, становится понятным, что интеллектуалы дореволюционной России, в сущности, поставили на себе удивительный и наглядный опыт: обладая сходным багажом знаний, представлений и компетенций, они приобрели опыт интеграции в различные культурные среды. При этом представители этого очень узкого слоя, даже лучше сказать, тесного круга интеллектуалов, продемонстрировали такие черты, которые должны были содержаться в коллективном опыте корпорации, но могли различным образом реализоваться в новых и подчас критических условиях.

Медиевисты, ровесники Добиаш, которые принадлежали той же дореволюционной школе, и предпочли эмиграцию, весьма несхожи между собой, и их опыт жизни и карьеры на чужбине был различным, но это не отменяет их общих корней и опыта. Забугин Владимир Николаевич (род. в 1880 г.), закончив университет, был командирован Академией наук в Италию, где приобрел не только профессиональный, но и особый духовный опыт, сблизился с представителями традиции византийского обряда, в 1907 г. конвертировался в католичество и постоянно жил в Италии еще до революции в России, при этом кратко возвращаясь на родину и время от времени публикуясь на русском. Этот самобытный ученый и религиозный деятель, успевший стать кардиналом Римской церкви, трагически погиб молодым в Альпах 14 сентября 1923 г., но успел оставить свой яркий след в медиевистике.

Николай Петрович Оттокар (1884–1957), русский и итальянский историк-медиевист, проректор (1917), декан историко-филологического факультета, ректор (1918–1919) Пермского университета. Несомненно, что научные интересы О.А. Добиаш-Рождественской и Н.П. Оттокара, писавшего в до-эмигрантский период работу, посвященную церковному приходу и институту *opera seu fabrica*, пересекались. Далее по несчастному стечению обстоятельств, Оттокар, уезжая из Европы в начале Мировой войны, потерял большую часть уже готовой работы и скопированных источников, в результате молодой ученый вынужден был переключиться на другую тему, и избрал французский город, что еще более сблизило интересы двух ученых. Оттокар защитил в Петербургском университете диссертацию на тему «Опыты по истории французских городов в средние века». Его официальными оппонентами, а также участниками обсуждения диссертации были И.М. Гревс, О.А. Добиаш-Рождественская и Л.П. Карсавин. С 1922 г. и до самой смерти в 1957 г. провел в эмиграции, в основном во Флоренции, преподавая в университете и занимаясь историей средневековой коммуны Тосканы.

Лев Платонович Карсавин (1882–1952) – более всего известный как религиозный философ, получил образование как историк-медиевист и итальянист. Происходил Карсавин из артистической среды, чем отличался от большинства членов цеха итальянистов, принадлежавших к университетским семьям или привилегированному классу. Своим формированием в качестве историка был обязан, прежде всего, профессору Гревсу, семинарий которого посещал, однако ни о какой преемственности речи не шло, сам Карсавин не считал первого учителя образцом для подражания, а наставнику не была близка ни та тенденция, которая сказалась в магистерской работе ученика, ни тем более, та, что проявилась в его докторской диссертации. Магистерская диссертация-монография «Очерки религиозной жизни в Италии XII–XIII веков» (1912; защитил в 1913 г.), докторская диссертация – «Основы средневековой религиозности в XII–XIII вв., преимущественно в Италии». С 1909 г. Карсавин преподавал в Историко-филологическом институте и на Высших женских (Бестужевских) курсах; надо отметить, что такую активность вслед за учителем проявляли многие ученики Гревса. С 1912 г. Карсавин – приват-доцент Петербургского университета, с 1916 – профессор (с 1916). С 1922 г. в эмиграции в Берлине, затем в Каунасе.

Петр Михайлович Бицилли (1879–1953) – историк-медиевист, а также литературовед и литературный критик, профессор Новороссийского и Софийского университетов. В 1912 г. в Петербургском университете защитил диссертацию на тему «Салимбене. Очерки итальянской культуры XIII века», после чего стал приват-доцентом, а потом и экстраординарным профессором Новороссийского университета в Одессе. Преподавал историю Западной Европы на Одесских высших женских курсах. Один из последних учеников Бицилли, О.Л. Вайнштейн (1894–1980), станет известным исследователем средних веков в науке советского периода. То, что именно учебник Вайнштейна по истории науки, истории историографии был в ходу в советских профильных вузах, играло важную роль в процессе формирования студентов-историков⁷.

Таков круг интеллектуалов, прежде всего, воспитанных в традиции петербургской школы и под прямым влиянием одного наставника, я имею в виду, говоря о судьбах русской итальянистики после революции.

Итальянистика между мировыми войнами: интеллектуалы, идеологи, проблемы поиска национальной и политической идентичности глазами историка – таким образом можно определить широкий круг вопросов, которые задают общий фон исследования. Следует выделить и специфический интерес, а также и узкие, казусные вопросы.

Тема идентичности препарируется сквозь призму восприятия «своей» и «чужой» истории, соответственно, историками-итальянистами в самой Италии и иностранными учеными с той же специализацией. В том

---

⁷ Вайнштейн 1940; 1964; 1968.

исследовании, которое я выстраиваю, имеются сюжеты, связанные с историей и России, и Италии, предполагается проанализировать общие или схожие темы историков-итальянистов разных национальных школ. Так, например, средневековые итальянские коммуны превращали в мифы и ученые историки, и политические лидеры, как в Италии, так и в России: русские либералы XIX–XX вв. и коммунисты, а также и фашистские интеллектуалы. При этом вклад историков явно был наибольшим.

То, что основы жизненного строя общин итальянского средневековья интересовали итальянских историков, в XIX – начале XX в. не пренебрегавших модернизацией понятий и одержимых стремлением подчеркнуть ложный континуитет этих основ *цивitas*, – не требует каких-либо доказательств, хотя таковые имеются и будут предъявлены ниже. Но следует сказать и о том, что итальянистика и медиевистика в России – больше, чем академическая специализация, «итальянские» штудии, например, образ средневековой свободной коммуны-*цивitas* не просто вызывали неподдельный интерес и энтузиазм, но создавали определенные мифы восприятия истории и формировали культурно-исторические ценности не только в университетской среде, но и в обществе.

Кто и как исследует биографии ученых

Историки, в том числе медиевисты, в долгу перед своими коллегами, представителями прошлых поколений. Опыт изучения русского научного зарубежья – один из показательных примеров. Изучение интеллектуальных биографий историков, проблем трансформации интеллектуальной идентичности в кризисные периоды, казалось бы, должны быть поручены именно их коллегам-специалистам, способным оценить их профессиональное развитие, понять и объяснить научную судьбу. Однако исследование жизни русского зарубежья в срезе научной среды отстает от аналогичных штудий славистов, литературоведов и искусствоведов, посвященных деятелям искусства, писателям, публицистам, и литераторам (например, русским литераторам и представителям мира искусства в эмиграции). Кстати, надо отдать должное итальянским специалистам-славистам, филологам, неустанно ведущим такую работу⁸.

Отставание публикаций историков в этом деле настолько заметно, что даже отдельные работы по смежным сюжетам – истории научных школ и их взаимосвязей, научной эмиграции и интеллектуальных биографий, отрывочные характеристики и наблюдения, касающиеся взаимодействия мысли и творчества итальянистов разных стран и эпох, – представляются полезным вкладом, который необходимо вносить каждому из современных работающих историков-медиевистов, итальянистов⁹.

⁸ Гардзонио, Сульпассо 2011; Русская эмиграция в Италии 2015; Гардзонио 2011; Письма Н.П. Оттокара к Вяч. Иванову...

⁹ Пример подает международная научная конференция «Италия и русские медиевисты», проведенная Домом Русского Зарубежья. В частности, ряд ученых уделили

При этом неизученные биографии не могут, в сущности, составить стержень исследования по истории историков, ведь рефлексия по поводу научного наследия коллег сама становится объектом изучения. Поэтому и акцентами моего исследования выбраны не оставленные вниманием историков имена итальянистов прошлого.

Среди медиевистов Италии я выделяю имя и наследие Джоаккино Вольпе (1876–1971), интеллектуала с четкой общественной позицией и готовностью выступать не только в академической аудитории, но и на страницах прессы, с разнообразными научными интересами и тягой к популяризаторству, а среди русских медиевистов – пример творческого пути Петра Михайловича Бицилли (1879–1953), совершенно отличного по своему характеру от Вольпе, но также ученого, выступавшего во многих качествах – критика и публициста, исследователя и преподавателя, популяризатора, историка готового к смене изучаемых тем и предметов исследования. При этом именно Бицилли, несмотря на наличие итало-албанских корней не предпринял эмиграции в Италию, как это сделали его коллеги-итальянисты, например, Оттокар и Забугин.

Два указанных специалиста сопоставимы по широте охвата затрагиваемых ими тем, что дает возможность сопоставить работу и идеи каждого из них с несколькими другими коллегами-современниками, а также проанализировать возможности их влияния на последующее поколение ученых. Так, например, наследие Вольпе и его интеллектуальную биографию следует сопоставить с интеллектуальной биографией его сотоварища по научной школе и политического оппонента, эмигранта Сальвемини, а также с биографией его идейного сторонника Каджезе¹⁰. Творчество Бицилли пересекается с теми или иными аспектами наследия его коллег-итальянцев, работавших в семинарии Гревса.

Между собой Вольпе и Бицилли не имели почти ничего общего в плане социально-политических идеалов, но несомненно наличие общей культурной платформы, увлеченность педагогической деятельностью и склонностью к рецензированию значимых произведений в близких им областях гуманитарного знания.

Вклад Вольпе в развитие историографии XX века изучался с различных позиций учеными разных стран¹¹. Отметить имеющийся задел

большое внимание наследию Н. Оттокара: доклады О.Ф. Кудрявцева (Проблемы культуры итальянского Возрождения в трудах Забугина, Бицилли, Пузино), Н.А. Селунской (Ренессанс, Итальянские коммуны, коммунисты и антикоммунисты: русская традиция итальянистики от Забугина и Оттокара до Гуковского и Ругенбурга), Бьянки Сульпассо из Университета Мачераты (Новые материалы к реконструкции жизни и творчества Н. Оттокара в Италии), А.И. Ключева (Споры вокруг флорентийской истории: Николай Оттокар и Гаэтано Сальвемини). – <http://inostranka.ru/news221.html>.

¹⁰ D'Alessandro V. Salvemini medievista...; Caggese 1907–1909; Capitani 1999; Capriglione 1981.

¹¹ Campopiano 2011; Clark 1999; Artifoni 2007; Artifoni 1979; Capitani 1999; Cervelli 1968; 1969; 1970; 1977; Di Giovanni 1976.

в изучении истории российской науки периода научного становления Бицилли в принципе, и конкретно судьбы и наследия самого Бицилли следует с указанием на то, что значительный вклад здесь внесен рядом российских научных центров – Санкт-Петербурга, Томска и Перми¹². Нельзя сказать, что в этом деле изучения историографического наследия уже есть традиции. Однако особенно плодотворными представляются те усилия, которые постоянно совершались, вне зависимости от моды и установок времени, внимательным исследователем Б.С. Кагановичем¹³, а также авторами обширного труда по публикации и комментированию наследия Бицилли¹⁴. Надо отметить и вклад в изучение вопроса такого института, как Историческая библиотека, создавшая специальные коллекции и электронный ресурс-каталог Историческая наука Русского Зарубежья (русской эмиграции с 1917 г.)¹⁵.

***Россия - Италия: подходы к изучению
интеллектуальной коммуникации в контексте социальной истории***

Русская и итальянская школы медиевальных и ренессансных исследований, на мой взгляд, имели немногочисленные, но важные общие черты: и в плане признания общих авторитетов, влияния, прежде всего, немецкой историографии, по способам коммуникации с источниками и по выбору предпочтительных тем изучения, прежде всего, проблем средневековой коммуны-цивitas и народа (popolo), а также религиозных и антирелигиозных коннотаций ренессансного гуманизма. Однако назвать работу компаративным исследованием, строго говоря, нельзя. Компаративные исследования – это не стиль, но цель или стратегия, сама по себе важная, почти самостоятельная. В данной работе моменты компаратива – это почти невольная тактика, которую пришлось применить, буквально следуя за материалом. Простые сравнения служат иногда средством создания нарратива или наводят на необходимые для развития исследования вопросы. Становится понятным: если мы говорим об итальянистах России и Италии определенного периода, то каждая деталь одной интеллектуальной биографии наших соотечественников сопоставима с одной или несколькими отличительными чертами биографий итальянских интеллектуалов, а контексты истории, в которых развивалась жизнь академического сообщества, не могут не включать вопросы социальные и политические, более того, не могут не затрагивать вопроса о т.н. национальной идентичности, что было интеллектуальной повесткой, особой приметой времени.

---

¹² Ашурова 2004; Ключев 2011; и др.

¹³ Кандидатская диссертация «Петербургская школа медиевистики в конце XIX – начале XX в.» (1987, Ленинградское отделение Института истории АН СССР) и далее цикл работ: Каганович 1994; 1995; 2007; Бицилли 1996; 2012.

¹⁴ Бицилли 2006.

¹⁵ Историческая наука Русского Зарубежья (русской эмиграции с 1917 г.) http://katalog.shpl.ru/shrubr.php?rid=424&base=shpl_gc&base=rsyst

Для меня путь к исследованию судеб ученых, взаимодействовавших с различными режимами в периоды социальных кризисов и перемен, формирования новых идентичностей в социальном поле, пролет крайне витиевато. К теме русских итальянистов, в первую очередь русских-эмигрантов, оказавшихся в Европе, меня привело изучение общей историографической картины, состояния специализации в области медиэвистики, именно итальянского средневековья. Не менее важным был опыт изучения условий жизни и деятельности итальянских интеллектуалов (в т.ч. медиэвистов по образованию) времен Первой мировой Войны и складывания фашистского режима (здесь в поле внимания были и горячие сторонники этого режима, такие, как Джоаккино Вольпе и Ромоло Каджезе, так и противники-эмигранты, прежде всего, Газтано Сальвемини). Да, мы знаем, что русский дореволюционный интеллектуал мог, испытывая разногласия с послереволюционной действительностью пытаться найти себе вторую родину, но, постфактум мы знаем и о том, что эти попытки происходили не просто в абстрактной «Европе», но в Европе, обескровленной войной, в Европе нарождающегося фашизма и тоталитаризма. Как в этой атмосфере жили историки – местные уроженцы, и как могли адаптироваться свободолюбивые изгнанники, русские мигранты. Эти вопросы не могут не задевать исследователя.

Первоначально меня интересовала преимущественно интеллектуальная ситуация в Италии начала XX века и межвоенных лет, когда академические ученые (медиэвисты, как ни странно, в первых рядах) были вовлечены в общественные дебаты, создание манифестов, политические и идеологические дискуссии. При этом особенно меня занимала интеллектуальная биография Вольпе¹⁶, весьма успешного и активного ученого, получившего базовое образование и специализацию медиэвиста перед Первой мировой войной, но прожившего долгую жизнь в науке (его труды продолжают переиздаваться и в самые последние годы).

Научная деятельность и академическая биография интересуют меня не сами по себе, но как перспектива изучения эпохи: благодаря тому, что каждая из выделяемых биографий ученых напоминает о большом круге тем и проблем историографии периода, а также вырисовывается особая система личных связей. Например, в связи с именем Вольпе сразу возни-

---

¹⁶ Селунская 2011. В этой работе была сделана попытка охарактеризовать разносторонние дарования и виды деятельности Дж. Вольпе, прожившего долгую (95 лет – почти век!), интересную и счастливую жизнь, за которую успели несколько раз смениться моды, вкусовые предпочтения, политические режимы в Италии. Личность Вольпе, первые интеллектуальные проявления стали знаковыми для начала XX века, без сомнения синтезировала и объединяла многие черты и традиции итальянской интеллектуальной культуры Нового Времени в целом. В то же время, это был интеллектуал, устремленный в будущее, и чутко реагирующий на современность. Также представлялось важным отметить, что ученый, в сущности, выполнял при только что образовавшемся фашистском режиме роль, близкую к роли Луначарского в ранние годы советского режима в России.

кает имя его однокашника, коллеги, соперника Г. Сальвемини, избравшего в отличие от Вольпе, противостояние власти и затем эмиграцию, и другого коллеги Р. Каджезе, соратника по политическим взглядам, сподвижника в деле изучения итальянских коммун, но при всех чертах сходства не избежавшего критики со стороны Вольпе. Вопросы, волновавшие Вольпе как ученого и популяризатора (история коммуны, средневековой религиозности и религиозных движений, связь истории Италии периода средневековья, Ренессанса и Рисорджименто), касаются и развития российской истории исторической науки, пересекаясь с интеллектуальными биографиями медиевистов-питомцев российской исторической школы¹⁷. Ре-конструирование казусов интеллектуальных биографий ученых, сервильных либо толерантных по отношению к власти или оппозиционных, выводит на линию изучения проблемы общественного служения интеллектуала. В частности, именно итальянский пример карьеры интеллектуала – казус Вольпе – показал важность анализа вне-академической, как бы «прикладной» по отношению к научной, деятельности ученого. Дополнительные функции интеллектуала в социуме следует понимать не только в смысле осуществления роли педагога и популяризатора науки, но и в смысле более широком – от публицистики, дань которой отдавал Вольпе и его университетские коллеги, до выбора политических горизонтов и сотворения идеологических манифестов. Те же аспекты – не только академической, но и вне-академической и околонучной деятельности, те же моменты ре-конструирования, хотя и с существенными поправками, видимо, следует выделить, рассматривая интеллектуальные биографии русских медиевистов. Казус интеллектуальной биографии итальянского ученого не выстраивался без компаративного измерения и выявления ряда параллелей и пересечений с интеллектуальными биографиями других, русскоязычных ученых. Однако эти биографии не интересовали меня на всем протяжении своих сюжетных линий, нужны были некоторые выборочные моменты аналогий или сближений.

Таким образом, по мере развития проекта стала вырисовываться схема построения работы в виде двух связанных между собой частей: первая должна наметить множество сюжетных основ и линий для сравнения, которые будут представлены достаточно схематично, но широко. Другая часть – углубленное исследование нескольких казусов научной биографии, персонажей академического мира и носителей различных историографических дискурсов, которые проявили себя не только на узком специализированном поприще медиевистики. Исследование затем пошло (по определенным пунктам) через сравнение интеллектуальных биографий и наследия русскоязычных историков с историческим опытом Италии в межвоенный период, когда итальянскими интеллектуалами

---

¹⁷ См.: Селунская 2012; 2013, где, в частности, было показано сходство работ Вольпе и советских историков при характеристике народа как двигателя истории.

предпринимались попытки активного участия в общественной жизни, а в обществе и государстве существовал запрос на поиск национальной идентичности, что и отражалось итальянскими историками (в т.ч., историками-медиевистами по научной специализации первых работ).

Среди представителей отечественной медиевистики и итальянистики выделим имена Забугина, Оттокара, Бицилли, имевших некоторые общие академические связи в России (например, с Гревсом и Карсавиным), предпринявших эмиграцию, но не одновременно и в разных обстоятельствах, и приобщившихся к разным центрам и средам научной и общественной жизни после отъезда из России.

После революции в России, был исторический момент, когда казалось, что ствол древа гуманитарного знания был срублен и повален там, где это древо произросло – в столице, тем не менее, сразу два отводка поверженного дерева проросли: в провинции и в эмиграции. Один и тот же человек, как, например, Н. Оттокар, педагог и ученый, мог привнести модели изучения истории, существовавшие в русской исторической школе до революционных перемен, или взрастить новое зерно знания и в далекой провинциальной Перми, и в итальянском, флорентийском университетском мире. Так возникали тонкие связи между несопоставимыми, но уже не полностью чуждыми друг другу научными средами.

Нельзя сказать, чтобы русская академическая школа полностью была в руинах. Восстановление исторической специализации, которое началось с 1934 г., шло болезненно, и в главных научных центрах было поставлено под жесткий идеологический и цензурный контроль, однако традиция изучения итальянской средневековой истории развивалась и в Москве, и в Ленинграде. Следует отметить, что возрождение медиевистики и итальянистики как ее составной части произошло благодаря оставшимся в стране дореволюционным специалистам и их ученикам.

В кризисные моменты (скажем, в годы Второй мировой войны, как перед началом боевых действий Германии против СССР, так и, конечно же, после начала войны) некоторые советские медиевисты в пылу борьбы с Западом и особенно с Германией, употребляли почти журналистские штампы, говоря о современной им немецкой историографии¹⁸. Итальянисты не находились в столь жесткой конфронтации с зарубежными коллегами и не допускали таких высказываний (хотя итальянский фашизм изучался почти с самого начала своего существования).

Для специалиста очевидно, что в работах советских итальянистов есть отзвуки трудов и коллег-эмигрантов, и итальянских медиевистов, при том, что открыто их цитировать было невозможно, в силу приписываемого западной науке враждебности и идеологической опасности. Поэтому находить и изучать влияния, общие сферы интересов и точки пересечения русской итальянистики советского периода с трудами эми-

---

¹⁸ Косминский 1939; Грацианский 1939.

грантов и развитием исторической науки в Италии периода фашизма приходится буквально на ощупь, без четких ссылок и верифицируемых цитат. Однако возможно проводить аналогии и даже делать некоторые выводы о стилистической близости или сходстве подходов, подобно тому, как это делается литературоведами и искусствоведами.

Темы и проблемы италянистики: общие вопросы

Особенности интеллектуальных сообществ, формирующихся в единое культурное и академическое пространство из специфических локальных и региональных школ, интересны тем, что предстают во многообразии переходных форм и оттенков, которые затем сглаживаются, а также спецификой контактов с внешним академическим миром. Италия в XX в. так и не дала примера формирования единой национальной школы историографии, и процесс интеграции в ее академическую жизнь шел достаточно тяжело, как для иностранца, так и для итальянских представителей иных локальных центров и традиций. В российской академической среде интерес к интеллектуальной жизни Италии разных периодов был всегда высок, в этом процессе изучения итальянской интеллектуальной культуры можно выделить и способы работы с источником, и попытки интерпретировать «мир другого», мир мыслителя и гуманитария разных эпох.

В отношении интеллектуального поля России и Италии можно указать важную параллель: для обеих стран в начале XX в. были важны попытки синтеза социальной и экономической истории, особенно при исследовании общины и религиозности, нестандартных ее проявлений, которые также интерпретировались не в русле истории церкви, но на стыке социальных, политических и культурных особенностей.

Красной нитью, связующей периоды истории науки и разнообразные аспекты деятельности интеллектуалов (получивших университетскую подготовку в качестве италянистов), может стать как исследование отдельной научной биографии, академической жизни, так и история интересов интеллектуалов, изучения различными учеными, выходцами из разных стран и национальных школ историографии, какого-то отдельного объекта средневековой истории, такого как, цивитас – городская коммуна средневековья, например, в Тоскане, или же тема ереси и вольнодумства.

Цивитас как сюжет истории живо интересовал и представителей либеральной мысли, специалистов в области медиевистики дореволюционного Петербурга, таких, например, как И.М. Гревс и его ученик Н.П. Оттокар, работавший затем в провинциальной России в университете в Перми и в самой Тоскане в университете Флоренции¹⁹, а также и П.М. Бицилли, связанного с университетами Санкт-Петербурга и Одессы, ставшего затем эмигрантом. Сходные темы увлекали и в юности близкого либеральным кругам, но ставшего виднейшим интеллектуалом

---

¹⁹ Nicola Ottokar storico del Medioevo... 2008.

фашистского времени Дж. Вольпе, обучавшегося в Пизе и посвятившего первые серьезные труды пизанской коммуне средневековья, а также его коллег и оппонентов либеральных взглядов, например, Сальвемини.

Один и тот же интерес проявлялся как отражение синтеза, произведенного на свой лад, и итальянской школой историков, и русской дореволюционной и эмигрантской научной средой. Преломление и отражение этих идей в советской историографии происходило чаще всего без каких-либо прямых цитат. Формальных доказательств здесь нет или слишком мало, но естественно предполагать, что сходное развитие исторической мысли в различных средах происходило не спонтанно, в особенности те аспекты, которые связаны с осмыслением понятий народ (*popolo*) и коммуна (*comune, comunia*)²⁰.

Нас интересует более всего казус русских историков-эмигрантов послереволюционного периода, их интеграция и карьера на чужбине, особенности их профессиональных и общественных устремлений, узость применения возможностей и познаний, или же наоборот – разнообразие исследований и курсов, подготовленных эмигрантами, а также занятий вне основного поля специализации. Постановка темы включает анализ того, должен ли исследователь объяснить этот вопрос, сообразуясь с логикой жизни научного социума, в котором интеллектуалы находились до или после эмиграции? Рассматривать занятия и достижения интеллектуалов с точки зрения особенностей той школы историков, в которой будущие эмигранты формировались, либо же обратиться к изучению стандартов и списку карьерных целей местных уроженцев, ученых тех стран, куда прибыли бывшие российские подданные? Точно так же заставляет обратиться к проблемам компаратива и вопрос о распространении некоторых работ или хотя бы о присутствии в списках зарубежных авторов, изучаемых в Советской России, итальянского историка, известного в качестве главного фашистского интеллектуала.

Можно предполагать, что некоторые черты сходства между работами советских медиевистов и трудами медиевистов фашистской Италии – это результат общих идеологических установок тоталитарного характера. Можно счесть и иначе: связь здесь не прямая, а опосредованная, через общие интересы медиевистов дореволюционной России и специалистов, работавших в Италии в первой трети XX века.

Вопросы исследования идентичности интеллектуала, историка в моменты трансформаций национальных государств и конституирования национальных школ историографии можно трактовать совершенно различным образом. Можно ограничиться, например, вопросами состава академической номенклатуры или международных связей национальной школы историков, возможно проследить модусы упоминания о народе и народности в исторических исследованиях, но стоит рассмат-

---

²⁰ Селунская 2012. С. 250-255.

ривать и различные способы функционирования историка в публичном пространстве: как политически ангажированного или аполитичного, как популяризатора, публициста и педагога. Ко многому обязывает заявление, что в работе рассматривается одновременно и академический дискурс, и публицистический, поле науки и поле политики. Я предпочитаю не делать таких деклараций, но признаю, что такой широкий подход необходим, если нас интересует традиция изучения итальянской цивилизации в связи с тем, как эту тему используют интеллектуалы для построения национально-политических дискурсов на фоне мировых войн.

Работа с более широкой аудиторией, нежели академическая и студенческая, бесспорное достоинство науки. Однако смысл и вектор развития такой популяризации мог быть различным. Родоначальник русской медиевистики Т.Н. Грановский читал публичные лекции, действительно открытые и значимые для общества. Говоря современным языком, формально занимаясь популяризацией науки, в ситуации диалога с обществом, ученый использовал науку как своего рода прикрытие: в форме публичной лекции (научного характера) пытался найти и находил отклик в сердцах прогрессивной общественности, старался открыть этому обществу некие идеалы социальной жизни и даже конкретные исторические институты, которые казались общественно полезными, показывая схематичные и несколько приукрашенные образы демократических городских республик средневекового Запада. Вне всякого сомнения, и для Герье, и для Гревса было весьма важным нести знание обществу. Для медиевиста Оттокара такая деятельность педагога-популяризатора была характерна в меньшей степени, но, тем не менее, как и большинство учеников Гревса, Оттокар читал до революции лекции на женских курсах (на Высших историко-литературных женских курсах Н.П. Раева). Однако в послереволюционные годы, когда стало гораздо больше возможностей и каналов популяризации знания, историк не проявил энтузиазма к их использованию: некоторое снижение академического стандарта и упрощение дискурса стали для него тяжелым бременем. Разумеется, такая практика была неизбежным долгом во время преподавания в провинции, а затем и руководства университетом, с которым Оттокара связала судьба. Совершенно очевидно, что кабинетный ученый не видел в этом своего призвания, а единственным плодотворным периодом деятельности считал заграничные командировки, все остальное воспринималось им как навязанная обстоятельствами и новой властью необходимость.

Для другого медиевиста – Бицилли, также преподавателя женских курсов и провинциального университета юга России (успевшего, в частности дать курс знаний будущему автору базового для советского времени учебника по историографии средневековья Вайнштейну), а затем балканского эмигранта²¹, популяризация, журнальная критика, эссеистика

²¹ Българската съдба... 2004 (список трудов Бицилли: С. 157-158); Ковалев 2004.

стали важными сферами интеллектуальной деятельности, помимо того, что были также условием выживания, сохранения себя в профессии в отрыве от западных архивов, и даже скромным источником заработка. Была ли такая активность осознанным общественным долгом, по крайней мере, перед русскоговорящей общиной эмигрантов? Вероятно, да. Для более детального рассмотрения этого вопроса имеется интересная и богатая источниковая база, прежде всего многочисленные номера «Современных записок» (1920–1940)²². Это была серьезная интеллектуальная многогранная эмигрантская журнальная пресса, которую никак нельзя назвать просто досугом чтением. Наряду с литературными произведениями, которые затем вошли в классический канон русской литературы, здесь публиковались статьи и очерки ученых. Бицилли (в том или ином качестве: рецензента, рецензируемого, автора статьи или очерка) выступал почти в каждом номере, а иногда и с несколькими текстами в одном номере²³.

Феномен Бицилли удивителен: этот не самый блестящий ученый, (даже в родном провинциальном университете вечный второй) попадает не в центр европейской интеллектуальной жизни, а в европейское захолустье, живет вдали от источников и фондов, которые нужны ему как итальянисту, причем находится в постоянной нужде и вынужден заниматься массой дел за рамками профессиональной карьеры. Но именно эта фигура, на мой взгляд, – знаковая для интеллектуальной жизни русского зарубежья, точка соприкосновения, пересечения интересов «русского мира» и «мира европейского» в космополитическом пространстве эмиграции, университетской культуры, странствования идей. Язык Бицилли – разнообразный, не четкий, навязываемый читателю дискурс, а система аллюзий, *параллелей* (это ключевое слово для интеллектуального мира Бицилли) – побуждает искать черты интонационного и тематического сходства его построений и множества как будто совершенно чуждых ему по духу авторов итальянских и русских итальянистов. Речь идет не о системе прямых цитирований или ссылок, не об анализе и рефлексии, а именно о переключках, видимо, невольных, между строками Бицилли, написанными в предвоенное время, и высказываниями советских медиевистов 1970-х гг., или же деятелей интеллектуального движения 1968 года в Италии. Бицилли, который, разумеется, не был привержен идеям марксизма и всячески пытался это подчеркнуть, тем не менее, обращался в своих «Параллелях»²⁴ и к образу Маркса, и к тем

---

²² В особенности: Бицилли 1929; 1932, 1936.

²³ Для анализа темы: «Бицилли и Современные записки» стоило бы создать простую базу данных или хотя бы систему таблиц, чтобы облегчить ориентирование в многочисленных публикациях, а для интерпретации результатов в разных контекстах потребуется отдельная статья.

²⁴ Бицилли 1932. Параллели творчеству Бицилли мне видятся в гораздо более ярких и сильных, самодостаточных, на первый взгляд чуждых эмигрантскому миру Бицилли работах Л.М. Баткина и Умберто Карпи: Баткин 1965; 1989; Carpi 2004.

идеям, которые были дороги «нестандартным» марксистам, историкам и филологам Италии и России следующей, по крайней мере послевоенной, но во многом и современной поры.

Темы и проблемы итальянистики: две узловые точки

Моменты кризиса (например, того, что переживала Европа после Первой мировой войны, и последовавшая за этим эпоха перемен), с одной стороны, оказывают большое влияние на среду интеллектуалов, но, с другой стороны, в картине мира, предлагаемой учебниками по истории, с такими моментами обычно ассоциируется политическое переустройство, дипломатические решения, но не успехи или неудачи, переживаемые академическим миром. Тем не менее, этот академический мир продолжал существовать, несмотря на кризисы революционных эпох, эпох военных столкновений, и, более того, подчас историческая мысль продолжала или даже начинала успешно развиваться именно на кризисном для социального мира этапе истории. Интересно проследить какие связи и темпы развития эти процессы демонстрировали, как здесь сказывались на работе по сходным ключевым проблемам исторических академических исследований события актуального момента, как проявлялись моменты социальной мобильности, эмиграции, выживания и приспособления науки к существованию в тоталитарном режиме.

Собираясь в дальнейшем посвятить этому вопросу отдельную статью, скажу кратко и предварительно, что, на мой взгляд, вопросы общего языка при этом влияли меньше, чем вопросы выработки языка влияния путем присоединения к доминирующим политическим дискурсам, что способствовало и частому пересмотру исторических концепций. Ситуация же большей академичности (одной из форм которой является маргинальность) в виде сознательной внутренней эмиграции или вынужденной эмиграции в собственном смысле слова, способствовала, скорее, консервации дискурсов и медленным переменам концептуального уровня развития исторической мысли.

Мы отметили, что итальянисты прошлого века самого рафинированного академического толка не гнушались миром политики, выступали за и против господствующих идеологий, в поддержку или опровержение актуальных общественных идей, социально-политических трендов, которыми было наполнено их время. Но надо сказать и более определенно: само занятие избранными сюжетами истории – «своей» или «чужой», – давало историкам мощный импульс мифотворчества, постоянно возвращала их к вопросам идентичности, в том числе к концепту *народной* или *национальной идентичности*.

Следует еще раз отметить, что для дореволюционной исторической школе медиевистов России типичны были не только изыскания историко-культурного плана, но и определенный интерес к развитию юридического и экономического подхода, который складывается в Ита-

лии благодаря усилиям такого же либерального профессорства, в частности историографического течения экономического и юридического толка, представителями которого в Италии и были Дж. Сальвемини, Дж. Вольпе, Р. Каджезе. Несмотря на то, что последние два имени известны как фашистские интеллектуалы, именно их идеи и исследования парадоксальным образом оставались в постоянном доступе российских итальянистов и пользовались огромным влиянием.

Сам Вольпе по понятным причинам не имел личных контактов с выезжавшими в Италию советскими историками, но именно русские историки-марксисты имели сходные с Вольпе взгляды по поводу общей концепции и Рисорджименто, и Ренессанса, и эпохи расцвета средневековых коммун. Каким образом сложилась и могла сложиться такая ситуация? Именно попытка ответа на этот вопрос помогает проследить множество линий развития историографических школ и течений, но и смены политического и общественного климата в России и в Италии.

В русской дореволюционной итальянистике, с самого начала развития медиевистики была сильна демократическая или либеральная позиция. Интерес к самоуправлению и свободам городских общинам сам по себе был своеобразным выражением вольнолюбия и свободомыслия. Наиболее четко эти общие тенденции развития отечественной медиевистики прослеживаются в начале XX в. в творчестве Н.П. Оттокара, о чем свидетельствует и сам его выбор поля исследования – средневековый город-коммуна, образец демократического строя, Флоренция и Тоскана²⁵. Эти темы не только были интересны его современникам, но и оставались предпочтительными темами исследования спустя десятилетия.

Останавливаясь на казусах развития коммунальных институтов Флоренции, Оттокар, тем не менее, полагал задачей исследование и установление некоторых коренных особенностей города как «публично-правовой целостности»; историк прослеживал процесс формирования «городской ассоциативности», особой формы городской идентичности, как мы бы сказали сейчас. Важной характеристикой Оттокар считал не статичные показатели и определения, а потенциал способности общины к коллективному действию и солидарности, а также проявления этой способности. Не ускользнула от его внимания и взаимосвязь общины мирской и общины церковной, приходской, а также роль прихода и общественных советов по делам, связанным с церковным строительством.

Те же темы – институты общины (коммуны), борьба внутри коммуны, роль мирского и церковного в развитии общества – живо интересовала итальянского историка Вольпе, получившего изначально обучение в качестве специалиста по медиевистике и Ренессансу, но ставшего затем певцом истории нации и активным политическим деятелем.

---

²⁵ Ottokar 1926; 1938; 1948.

Отметим, что в советский период представители отечественной италянистики являлись весьма потестарными личностями – либо шли на прямой конфликт с нарождающейся новой идеологией и режимом вплоть до эмиграции, либо, оставаясь убежденными марксистами, тем не менее, повергались репрессиям, как это случилось с виднейшим и жестким марксистом В.И. Рутенбургом, в юности арестованным по делу о кружке эсперантистов, или же не менее приверженным марксизму М. Гуковским, учеником Карсавина и Гревса (к которым был близок по научным интересам Оттокар), многократно, на протяжении жизни вступавшим в конфликт с официальной советской идеологией и отбывавшим наказание по политико-идеологическим мотивам (осужден на 10 лет лагерей по ст. 58 п. 10.). При этом оба историка-марксиста не столько стремились к контактам с итальянской академической средой, сколько получали взамен, пользуясь уважением и признанием.

Даже не имея возможности отметить прямые формальные указания, подтвержденные ссылками, которые не делались по вполне понятным причинам, можно постулировать, что особую роль в развитии исследований итальянского Средневековья и Ренессанса в советский период играл тот парадоксальный вклад, который внесли в историографическую традицию российские историки-эмигранты, имевшие контакты в Италии еще до начала Великой войны и кризиса Империи, а затем работавшие в Европе, в Италии. Совершенно очевидно, что на такую опасную черту – «идеологическую слабость», «близость буржуазной культуре» и т.п. – обратили внимание те, кто осуществлял цензуру и идеологический контроль, что неоднократно утверждалось и постулировалось в жанре критики-доноса и в форме открытых преследований. Остается лишь вопрос о том, в какой именно сфере специализации и из каких источников осуществлялось наиболее значительное влияние, не мешавшее самостоятельному развитию италянистики в СССР, но стимулировавшее ее.

На мой взгляд, наряду с вопросом о происхождении коммуны сферой обмена идеями стали формулировки общих проблем ренессансной культуры, хотя в этой части сходства и различия еще труднее формализовать, чем в исследованиях *цивитас*. Более того, можно ставить вопрос о взаимосвязи традиций изучения *цивитас*, *социума* и того, что в наше время определяется как история менталитета – вопросы религиозности, отношения с церковью, проблема еретических и народных движений.

Здесь мы подходим к важному аспекту, который пока можно лишь наметить. Это вопрос о религиозной и конфессиональной идентичности историков-эмигрантов, бывших российских подданных, оказавших влияние на развитие италянистики и в России, и в Европе. Вопросы итальянского ренессансного гуманизма в трактовке русского католика В. Забугина, отношения гуманистов к религии и Церкви, например, деятеля римской Академии, единственного из гуманистов, посетившего славян-

ские страны – Помпония Лэта, также оказались весьма влиятельными. П. Бицилли, Н. Оттокар и В. Забугин имели разные, но достаточно артикулированные морально-религиозные позиции, причем последний в качестве деятеля Римско-католической церкви даже принимал личное участие в политическом процессе вплоть до своей смерти (ранней и достаточно загадочной). Бицилли, несмотря на сложную фамильную историю, принадлежность к разным национальным культурам, а также на его либеральные взгляды, держался вполне традиционного православия. Оттокар, при столь же сложной ситуации с фамильными корнями и привязанностью к России постепенно склонился к протестантизму. Забугин, сочувствуя делу унии, и приобщению к богатствам византийского наследия, без компромиссов видел себя сыном Римско-католической церкви. Тем не менее, интерес к религиозным движениям и исканиям Средневековья и Ренессанса был для исследователей общим, достаточно сходными были и их исследовательские позиции. При этом не будет лишним поставить в параллель работам русских медиевистов сочинения Вольпе, постараться наметить возможные точки пересечения тем и интересов.

Бицилли интересовали мотивы францисканской религиозности и эсхатологические ожидания и переживания, но эти вопросы изучения менталитета препарировались на фоне социального полотна. Видимо, следует отметить, что в работах этого итальяниста, волею судьбы не оказавшегося в эмиграции в Италии, на мой взгляд, прослеживается наибольшее приближение к трактовкам Вольпе того же мира средневековых религиозных движений – как сплава социального и ментального.

Живший долгие годы во Флоренции Н. Оттокар, напротив, как мне кажется, достаточно далек от концепции религиозных движений Вольпе. В годы работы в России Оттокар вырабатывал, совместно с Карсавиным, общие для петербургской школы медиевистов и культурологов представления и определения типов религиозности. Содружество между Оттокаром и его старшим товарищем Карсавиным было настолько тесным, что Карсавин публично приносит благодарность Оттокару во введении к книге «Основы средневековой религиозности в XII–XIII вв., преимущественно в Италии», буквально считая свои базовые концепты плодом общих размышлений с другом Оттокаром²⁶.

Концепция Ренессанса, проступающая сквозь конкретно-исторические исследования В. Забугина, наследует ранней традиции петербургской школы медиевистики, но в то же время сохраняет как бы запасной путь для развития постсоветской итальянистики. Роль религиозной составляющей Ренессанса для Забугина несомненна, более того, в ней он видел истинное лицо эпохи. Религиозность эта в представлении Забугина – нестатичная и неканоничная, поэтому в трудах ученого чув-

---

²⁶ Это отмечалось и итальянскими, и русскими исследователями наследия Оттокара: Nicola Ottokar storico del Medioevo... 2008; Клюев 2011.

ствуется нечто сходное с идеями других видных итальянистов, с одной стороны, исследователя итальянской средневековой религиозности Карсавина (особенно с его первой, магистерской диссертацией), а с другой – с модусом смелого исследования Вольпе, посвященного ересям и религиозным движениям средневековья, начатого между 1907 и 1912 г., опубликованного в ряде небольших статей и в виде единого труда в 1922 и в 1926 г.²⁷, а затем продолженного и обновленного после войны. Этого последнего большого труда Вольпе²⁸ Оттокар знать не мог, хотя не мог не быть в курсе общих концепций и построений Вольпе.

По другому исследовательскому регистру строилось исследование Бицилли о влиянии идей подвижника Иоахима Флорского на религиозные представления и чаяния мирян. Нельзя сказать, что переключки совсем не могут быть найдены и в трудах Оттокара и Бицилли, однако более очевидным образом их интересы пересекались в той точке, которая была ключевой для историографии итальянской коммуны. Бицилли (как и Оттокар) занимался проблемой формирования коммуны, причем именно тосканской коммуны, постулировал особенности организации ророю, пытался определить соотношение цеховых элементов и того, что в источниках обозначалось термином *popolo* – народ. Любопытно проследить, как эти темы интерпретировались после Второй мировой войны в России, когда наука могла играть идеологическую роль, сходную с той, что осуществлялась интеллектуалами, лояльными к власти или горячими ее сторонниками в период фашистского режима в Италии.

В советской историографии понятие *comunia, comune* определялось не просто как юридический термин для обозначения общины, но как качественно новое явление социально-политического развития. Так, например, акцентировалась борьба за коммуну, а не моменты преемственности в генезисе коммуны. В частности, сами термины *coniuratio, iuramentum*, которые сопровождают первые документальные свидетельства появления коммуны, истолковывались в данном ключе. При этом в принципе мог быть подчеркнут мотив приватного договора, но оставались и пути трактовок, позволяющие выделять момент публичности, политического обновления. Обе позиции находят аналогии в развитии исследований в самой Италии периода либерализации и периода перехода к тоталитарному, фашистскому режиму, при том, что и тот, и другой дали академическому миру прекрасных историков.

Медиевисты советского периода почти в равной доле наследуют идеи и способы построения исследований из дореволюционной практики

²⁷ Movimenti religiosi... 1926.

²⁸ Переиздания происходили постоянно, в основном во Флоренции – издательство Sansoni – 1961, 1971, 1972, 1977; издание 1977 г. снова воспроизведено в 1997 в Риме, издательством Donzelli с предисловием Чинцио Виоланте (Cinzio Violante); издание 2010 г. – под его же редакцией

и из итальянской исторической школы, воспринимая сюжеты разного толка – от экономико-юридического подхода до исследований религиозной культуры и изучения символического капитала *цивитас*. Для развития медиевистики и итальянистики в СССР характерна манера обращения к истории коммуны видных специалистов по истории средневековой Италии – Л.А. Котельниковой и В.И. Рутенбурга. Специальный и узкий, на первый взгляд, вопрос о частном или же публичном характере коммуны, занимал как итальянских, так и отечественных историков. Рутенбург (а именно он с середины прошлого века являлся одним из самых известных и влиятельных советских исследователей) прямо указывал, что «торжественный момент перехода власти из рук феодального сеньора в руки города отмечали клятвой *coniugatio*». Как и в трудах европейских историков начала XX века, речь шла о качественно новом моменте развития общины, а само рождение общины, первоначальный этап ее развития (этап *coniugatio*) связан с приобретением этим объединением публичных функций. И, следовательно, уже в силу этого приобретения нового качества о плавной линии преемственности не могло идти и речи. Однако при этом совершенно никак не доказывается, что время объединения соседей с помощью договора круговой поруки и есть переход к коммуне, что частный характер договора становится непременно публичным.

В итальянской историографии отношение к этому вопросу наиболее показательно у Вольпе. Вольпе получил стигму фашистского интеллектуала (вполне заслужив такую известность), более того, он был не столько пассивным носителем фашистской идеологии, сколько активистом, государственным человеком и разработчиком доктрины интеллектуального манифеста фашизма. В ранней карьере Вольпе был сторонником разных либерально-демократических течений. Конъюнктура и сама идеологическая мотивированность интеллектуала, воспитанного в рафинированной среде медиевистов Пизанской школы, привели Вольпе не только к разработке и преподаванию истории Рисорджименто и Новейшей истории Италии, но также к работе на идеологическом фронте и участию в публицистической и пропагандистской деятельности. В разные периоды он сотрудничал с изданиями разных направлений, иногда пересекаясь и солидаризируясь со своими будущими оппонентами. По вопросу восприятия коммуны взгляды Вольпе и представителей демократического крыла послевоенной историографии разошлись, хотя первоначально их мнения не столь отличались друг от друга, и, надо отметить, что идеи Вольпе были актуализированы в последующий период 1970–1980-х гг.

Однако прививка идей и методов работы Вольпе в России была бы невозможна без той общей основы, которая складывалась благодаря демократической университетской культуре предреволюционного периода. Представитель петербургской школы Оттокар, некоторое время трудившийся в далеком провинциальном университете и затем работавший в

университете Флоренции внес особый вклад в развитие исследований итальянской коммуны, что оказало влияние на ход исторической мысли и в Италии, и в России. При этом идеи Оттокара вернулись на родину, которую он покинул, своеобразным эхом, через отголоски его влияния, сохранившиеся в историографической традиции самой Италии, замкнув круг (разумеется, заимствования через итальянскую историографическую традицию отозвались в России с некоторым смещением акцентов).

Не меньшее взаимовлияние и пересечение в развитии исторических школ итальянистики обнаруживается в таких сферах как критическое издание и комментирование источников. Создание синтетических, универсальных описаний истории Италии периода средних веков и Ренессанса является отдельной проблемой для той академической почвы, для которой всегда была характерно внимание к казусам, полицентризму и региональным различиям. В этом плане удивительным и показательным примером является участие советских историков в создании многотомной истории Италии, что можно объяснить только длительной предысторией взаимоотношений национальных школ историографии.

В русской дореволюционной исторической науке, такими ее представителями, как П. Бицилли, Н. Оттокар, В. Забугин, были подняты вопросы о взаимосвязи светского и сакрального в социальной жизни Италии, о соотношении коммуны и церкви. Одновременно был поставлен вопрос о разнообразии корней Ренессанса, взаимосвязи гуманизма и религиозности, эти вопросы рассматривались и в общем виде, и на уровне малого социума, и на примере частной жизни и индивидуальной биографии. Эти же темы получили отклик и развитие в итальянской историографии, и, с заметным опозданием, совершив круговорот, вернулись и в отечественную традицию исторических исследований.

Менее всего хотелось бы использовать без оговорок для описания того или иного историка некие единые клише, такие как: «фашистский», «советский», «эмигрантский», «демократический», «религиозный» (деятель или интеллектуал), хотя, разумеется, само употребление этих этикеток или, говоря осторожнее, классификаций, неизбежно.

Следует найти какой-то средний путь интерпретации интеллектуальной биографии и значимых для нее личностных связей, академических контактов и способов коммуникации между интеллектуалом и обществом, но для этого нужно на порядок больше участников обмена идеями и данными и на порядок больше контактов итальянистов разных стран. Только тогда итальянистика как интеллектуальный феномен и среда с особыми точками зрения и откликами ее представителей на актуальные события и вызовы своего времени сможет быть реконструирована в менее схематичном и многоплановом виде.

Самоопределение историка, вовлеченность академического ученого в поле политической и общественной жизни характерно для истори-

ков Италии, переживших кризисный опыт Великой войны. С точки зрения внутренней логики развития академического мира, это особый опыт преодоления хронологических и дисциплинарных рамок. Но такая же широта и открытость типична и для отечественных медиевистов ранней формации, когда специализация по истории средних веков еще не была четко выделена, а «всеобщники» владели не только материалом по истории Европы с древнейших времен до современной им поры, но и интересовались широким спектром проблем общественно-политического характера. Сходным был и настрой советских итальянистов послевоенной поры, в годы после Второй мировой, в ситуации относительной стабильности, но при этом и кристаллизации нового общества. Для советской науки последнего периода ее существования в этом качестве, т.е. и в период брежневской стагнации общества, и в момент перестройки, были типичны совершенно другие принципы цеховой организации и узкая специализация, как и для современной этому периоду итальянской исторической науки. При этом в централизованной и бюрократически организованной позднесоветской науке, несмотря на идеологические установки, не проявлялось такого интереса к вопросам *народности* и *идентичности*, который, бесспорно, спонтанно существовал и в дореволюционной итальянистике в целом, и у отдельных представителей русской школы, прошедших опыт эмиграции.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Ашурова Н.И. Петр Михайлович Бицилли. Томск: «Печатная мануфактура», 2004.
- Баткин Л.М. Данте и его время: Поэт и политика. М.: Наука, 1965.
- Баткин Л.М. Итальянское Возрождение в поисках индивидуальности. М., 1989.
- Бицилли П.М. Параллели // Современные записки. 1932. Кн. 48. С. 334–345.
- Бицилли П.М. Возрождение аллегории // Современные записки, 1936, № 61.
- Бицилли П.М. Нация и государство // Современные записки, Париж, 1929, № 38.
- Бицилли П.М. Нация и язык // Современные записки, Париж, 1929, № 40.
- Бицилли П.М. Место Ренессанса в истории культуры / Сост., статья, комментарии Б.С. Кагановича. СПб., 1996.
- Бицилли П.М. Избранные труды по средневековой истории: Россия и Запад / Сост. Ф.Б. Успенский; Отв. ред. М.А. Юсим. М.: Языки славянских культур, 2006.
- Бицилли П.М. Очерки теории исторической науки / Подгот. Текста, послесловие и примеч. Б.С. Кагановича. СПб., 2012.
- Бурдье П. Поле политики, поле социальных наук, поле журналистики // URL: <http://bourdieu.name/content/burde-pole-politiki-pole-socialnyh-nauk-pole-zhurnalistiki>
- Българската съдба на проф. П.М. Бицилли / Велева, Мария. София: Гутенберг, 2004.
- Вайнштейн О.Л. Историография средних веков в связи с развитием исторической мысли от начала средних веков до наших дней: Учебник для исторических факультетов государственных университетов и педагогических институтов. М.; Л.: Соцэкгиз, 1940.
- Вайнштейн О.Л. Западноевропейская средневековая историография. М.; Л.: Наука, 1964.
- Вайнштейн О.Л. История советской медиевистики: 1917–1966. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1968.
- Гардзонио С., Сульпассо Б. Осколки русской Италии: Исследования и материалы. Кн. 1 / науч. ред. О.А. Коростелева, М.А. Васильевой. М., 2011.

- Гардзонио С. Перелистывая «Хождения во Флоренцию», или Тоска по невозвратному // Знамя. 2011. № 4. (<http://magazines.russ.ru/znamia/2011/4/go15.html>).
- Грацианский Н.П. Немецкий "Drang nach Osten" в фашистской историографии // Против фашистской фальсификации истории. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1939. С. 135-155.
- Каганович Б.С. П.М. Бицилли как историк культуры // Одиссей. Человек в истории. 1993. М.: «Наука», 1994.
- Каганович Б.С. Русские медиевисты первой половины XX века. СПб., 2007.
- Каганович Б.С. Е.В. Тарле и петербургская школа историков. СПб., 1995.
- Клюев А.И. Неизвестный известный медиевист: размышления над страницами книги «Николай Оттокара – историк-медиевист» // Диалог со временем. 2011. № 37. С. 366-375.
- Ковалев М.В. Научно-исследовательская деятельность П.М. Бицилли в Болгарии (1924–1953 гг.) // Герои и антигерои в исторической судьбе России. Материалы 35-й Всероссийской заочной научной конференции. СПб., 2004. С. 203-209.
- Косминский Е.А. Средние века в изображении германских фашистов // Против фашистской фальсификации истории. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1939. С. 104-134.
- Письма Н.П. Оттокара к Вяч. Иванову / Публикация и примеч. Стефано Гардзонио // Вестник истории, литературы, искусства. Т. 3. http://www.v-ivanov.it/wp-content/uploads/2012/11/pisma_ottokara_ivanovu_2006.pdf
- Репина Л.П. Интеллектуальная культура как маркер исторической эпохи // Диалог со временем. 2008. № 22. С. 5-15/
- Репина Л.П. Историко-историографическое исследование в контексте современной интеллектуальной культуры // История и историки в пространстве национальной и мировой культуры. Сборник статей / Под ред. Н.Н. Алеврас, Н.В. Гришиной, Ю.В. Красновой. Челябинск: «Энциклопедия», 2011. С. 21-35.
- Репина Л.П. Историческая наука в предметном поле интеллектуальной истории / История и историки в прошлом и настоящем. ИВИ РАН, 2013.
- Русская эмиграция в Италии: журналы, издания, архивы (1900–1940) / Emigrazione russa in Italia: periodici, editiria e archive (1900–1940 / a cura di S. Garzonio e S. Lupasso // Europa Orientalis. Salerno, 2015.
- Селунская Н.А. Пройденный путь идей: век Джоаккино Вольпе // Диалог со временем. 2011. Вып. 36. С. 403-422.
- Селунская Н.А. Италия, народ, коммуна в тоталитарном дискурсе // Диалог со временем. 2012. № 39. С. 240-255.
- Селунская Н.А. Коммуникация историографических школ и path dependence: Россия и Италия // Диалог со временем. 2013. № 45. С. 169-182.
- Artifoni E. Gioacchino Volpe e i movimenti religiosi medievali / Reti Medievali Rivista, VIII, 2007 (<http://www.retimedievali.it>).
- Artifoni E. Crivellucci, Salvemini, Volpe e una rivista che non si fece. Nota in margine a una ricerca su Gaetano Salvemini storico del medioevo // Annali della Fondazione Luigi Einaudi. XIII. 1979. P. 273–299.
- Caggese R. Classi e comuni rurali nel medio evo italiano, vol. 1–2. Firenze, 1907–1909.
- Caldwell B. Hayek's Challenge: An Intellectual Biography of F.A. Hayek. University of Chicago. 2004.
- Campopiano M. Tra politica, filosofia e storiografia. Una recente pubblicazione su Volpe e Salvemini //Giornale Critico della Filosofia Italiana, 90, 2011, p. 389-400.
- Capitani O. Da Volpe a Morghen: riflessioni eresologiche a proposito del centenario della nascita di Eugenio Dupré Theseider // Studi medievali, s. III, 40 (1999). P. 305–321.
- Capriglione F. La metodologia storiografica di Romolo Caggese tra positivismo e storicismo. Foggia, Graftud, 1981.
- Carpi U. La nobiltà di Dante. Polistampa, 2004.

- Caserta E.G. Croce and Marxism // Journal of the History of Ideas. 1983. Vol. 44, No. 1. P. 141-149.
- Cervelli I. Cultura e politica nella storiografia italiana ed europea fra Otto e Novecento. A proposito della nuova edizione di "Storici e maestri" di Gioacchino Volpe // Belfagor. XXIII. 1968. P. 473-483, 596-616; XXIV. 1969. P. 66-89.
- Cervelli I. Storiografia e politica: dalla società allo stato. Note su Gioacchino Volpe // La Cultura. VII. 1969. P. 496-534.
- Cervelli I. G. Volpe e la storiografia italiana ed europea fra Otto e Novecento // La Cultura. VIII. 1970. P. 40-80, 257-291, 375-424.
- Cervelli I. Gioacchino Volpe. Napoli, 1977
- Clark M. Gioacchino Volpe and fascist historiography in Italy // Writing National Histories. Western Europe since 1800 / ed. by Stefan Berger, Mark Donovan, Kevin Passmore. London, Routledge, 1999. P. 189-202.
- D'Alessandro V. Salvemini medievista / Gaetano Salvemini fra politica e storia. Laterza, Bari-Roma, 1986. P. 139-197.
- Di Giovanni G. Il realismo storico di Gioacchino Volpe. Roma, 1976.
- Movimenti religiosi e sette ereticali nella società medievale italiana: secoli 11.-14. Firenze: Vallecchi, stampa 1922 (2a ed. 1926).
- Nicola Ottokar storico del Medioevo: da Pietroburgo a Firenze / a cura di Lorenzo Publici e Renato Risaliti. Firenze: Olschki, 2008. (Biblioteca dell'Archivio storico italiano; 30).
- Ottokar N. Il Comune di Firenze alla fine del Duecento, Firenze, Vallecchi, 1926.
- Ottokar N. I comuni cittadini del medioevo, 1936.
- Ottokar N. Venezia: cenni di cultura e di storia veneziane, Firenze, 1938.
- Ottokar N. Studi comunali e fiorentini, Firenze. La Nuova Italia, 1948.

REFERENCES

- Ashurova N.I. Petr Mikhailovich Bitsilli. Tomsk: «Pechatnaya manufaktura», 2004.
- Batkin L.M. Dante i ego vremena: Poet i politika. M.: Nauka. 1965.
- Batkin L.M. Ital'yanskoe Vozrozhdenie v poiskakh individual'nosti. M., 1989.
- Bitsilli P.M. Paralleli // Sovremennye zapiski. 1932. Kn. 48. S. 334-345.
- Bitsilli P.M. Vozrozhdenie allegorii // Sovremennye zapiski, 1936, № 61.
- Bitsilli P.M. Natsiya i gosudarstvo // Sovremennye zapiski, Parizh. 1929, № 38.
- Bitsilli P.M. Natsiya i yazyk // Sovremennye zapiski, Parizh, 1929, № 40.
- Bitsilli P.M. Mesto Renessansa v istorii kul'tury / Sost., stat'ya, kommentarii B.S. Kaganovicha. SPb., 1996.
- Bitsilli P.M. Izbrannye trudy po srednevekovoi istorii: Rossiya i Zapad /Sost. F.B. Uspenskiy; Otv. red. M.A. Yusim. M.: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2006.
- Bitsilli P.M. Ocherki teorii istoricheskoi nauki / Podgot. Teksta, posleslovie i primech. B.S. Kaganovicha. SPb., 2012.
- Burd'e P. Pole politiki, pole sotsial'nykh nauk, pole zhurnalistiki // URL: <http://bourdieu.name/content/burde-pole-politiki-pole-socialnyh-nauk-pole-zhurnalistiki>
- B"lgarskata s"dba na prof. P.M. Bitsilli / Veleva, Mariya. Sofiya: Gutenberg, 2004.
- Vainshtein O.L. Istoriografiya srednikh vekov v svyazi s razvitiem istoricheskoi mysli ot nachala srednikh vekov do nashikh dnei: Uchebnik dlya istoricheskikh fakul'tetov gosudarstvennykh universitetov i pedagogicheskikh institutov. M.; L.: Sotsekgiz, 1940.
- Vainshtein O.L. Zapadnoevropeiskaya srednevekovaya istoriografiya. M.; L.: Nauka, 1964.
- Vainshtein O.L. Istoriya sovetskoj medievistiki: 1917-1966. L.: Nauka, Lenin-gradskoe otdelenie, 1968.
- Gardzonio S., Sul'passo B. Oskolki russkoi Italii: Issledovaniya i materialy. Kn. 1 / nauch. red. O.A. Korosteleva, M.A. Vasil'voi. M., 2011.
- Gardzonio C. Perelistyvaya «Khozhdeniya vo Florentsiyu», ili Toska po nevozvratimomu // Znamya. 2011. № 4. (<http://magazines.russ.ru/znamia/2011/4/go15.html>).

- Gratsianskii N.P. Nemetskii "Drang nach Osten" v fashistskoi istoriografii // Protiv fashistskoi fal'sifikatsii istorii. M.-L.: Izd-vo AN SSSR, 1939. S. 135-155.
- Kaganovich B.S. P.M. Bitsilli kak istorik kul'tury // Odissei. Chelovek v istorii. 1993. M.: «Nauka», 1994.
- Kaganovich B.S. Russkie medievisty pervoi poloviny KhKh veka. SPb., 2007.
- Kaganovich B.S. E.V. Tarle i peterburgskaya shkola istorikov. SPb., 1995.
- Klyuev A.I. Neizvestnyi izvestnyi medievist: razmyshleniya nad stranitsami knigi «Nikolai Ottokar – istorik-medievist» // Dialog so vremenem. 2011. № 37. S. 366-375.
- Kovalev M.V. Nauchno-issledovatel'skaya deyatel'nost' P.M. Bitsilli v Bolgarii (1924–1953 gg.) // Geroi i antigeroy v istoricheskoi sud'be Rossii. Materialy 35-i Vserossiiskoi zaochnoi nauchnoi konferentsii. SPb., 2004. S. 203-209.
- Kosminskii E.A. Srednie veka v izobrazhenii germanskikh fashistov // Protiv fashistskoi fal'sifikatsii istorii. M.-L.: Izd-vo AN SSSR, 1939. S. 104-134.
- Pis'ma N.P. Ottokara k Vyach. Ivanovu / Publikatsiya i primech. Stefano Gardzonio // Vestnik istorii, literatury, iskusstva. T. 3. http://www.v-ivanov.it/wp-content/uploads/2012/11/pisma_ottokara_ivanovu_2006.pdf
- Repina L.P. Intellektual'naya kul'tura kak marker istoricheskoi epokhi // Dialog so vremenem. 2008. № 22. S. 5-15/
- Repina L.P. Istoriko-istoriograficheskoe issledovanie v kontekste sovremennoi intellektual'noi kul'tury // Istoriya i istoriki v prostranstve natsional'noi i mirovoi kul'tury. Sbornik statei / Pod red. N.N. Alebras, N.V. Grishinoy, Yu.V. Krasnovoi. Chelyabinsk: «Entsiklopediya», 2011. S. 21-35.
- Repina L.P. Istoricheskaya nauka v predmetnom pole intellektual'noi istorii / Istoriya i istoriki v proshlom i nastoyashchem. IVIRAN. 2013.
- Russkaya emigratsiya v Italii: zhurnaly, izdaniya, arkhivy (1900–1940) / Emigrazione russa in Italia: periodici, editiria e archive (1900–1940 / a cura di S. Garzonio e S. Sulpasso // Europa Orientalis. Salerno, 2015.
- Selunskaya N.A. Proidenniy put' idei: vek Dzhokkino Vol'pe // Dialog so vremenem. 2011. Vyp. 36. S. 403-422.
- Selunskaya N.A. Italiya, narod, kommuna v totalitarnom diskurse // Dialog so vremenem. 2012. № 39. S. 240-255.
- Selunskaya N.A. Kommunikatsiya istoriograficheskikh shkol i path dependence: Ros-siya i Italiya // Dialog so vremenem. 2013. № 45. S. 169-182.
- Artifoni E. Gioacchino Volpe e i movimenti religiosi medievali / Reti Medievali Rivista, VIII, 2007 (<<http://www.retimedievali.it>)
- Artifoni E. Crivellucci, Salvemini, Volpe e una rivista che non si fece. Nota in margine a una ricerca su Gaetano Salvemini storico del medioevo // Annali della Fondazione Luigi Einaudi. XIII. 1979. P. 273–299
- Caggese R. Classi e comuni rurali nel medio evo italiano, vol. 1–2. Firenze, 1907–1909.
- Caldwell V. Hayek's Challenge: An Intellectual Biography of F.A. Hayek. University of Chicago Press, 2004.
- Campopiano M. Tra politica, filosofia e storiografia. Una recente pubblicazione su Volpe e Salvemini //Giornale Critico della Filosofia Italiana, 90, 2011, p. 389-400.
- Capitani O. Da Volpe a Morghen: riflessioni eresologiche a proposito del centenario della nascita di Eugenio Dupré Theseider // Studi medievali, s. III, 40 (1999). P. 305–321.
- Capriglione F. La metodologia storiografica di Romolo Caggese tra positivismo e storicismo. Foggia, Graftud, 1981.
- Carpi U. La nobilita di Dante. Polistampa, 2004.
- Caserta E.G. Croce and Marxism // Journal of the History of Ideas. 1983. Vol. 44, No. 1. P. 141-149.
- Cervelli I. Cultura e politica nella storiografia italiana ed europea fra Otto e Novecento. A proposito della nuova edizione di "Storici e maestri" di Gioacchino Volpe // Belfagor. XXIII. 1968. P. 473–483, 596–616; XXIV. 1969. P. 66–89.

- Cervelli I. Storiografia e politica: dalla società allo stato. Note su Giocchino Volpe // La Cultura. VII. 1969. P. 496–534.
- Cervelli I. G. Volpe e la storiografia italiana ed europea fra Otto e Novecento // La Cultura. VIII. 1970. P. 40–80, 257–291, 375–424.
- Cervelli I. Giocchino Volpe. Napoli, 1977
- Clark M. Giocchino Volpe and fastists historiography in Italy // Writing National Histories. Western Europe since 1800 / ed. by Stefan Berger, Mark Donovan, Kevin Passmore. London, Routledge, 1999. P. 189–202.
- D'Alessandro V. Salvemini medievista / Gaetano Salvemini fra politica e storia. Laterza, Bari-Roma, 1986. P. 139–197.
- Di Giovanni G. Il realismo storico di Giocchino Volpe. Roma, 1976.
- Movimenti religiosi e sette ereticali nella società medievale italiana: secoli 11.-14. Firenze: Vallecchi, stampa 1922 (2a ed. 1926).
- Nicola Ottokar storico del Medioevo: da Pietroburgo a Firenze / a cura di Lorenzo Pubbli-ci e Renato Risaliti. Firenze: Olschki, 2008. (Biblioteca dell'Archivio storico italiano; 30).
- Ottokar N. Il Comune di Firenze alla fine del Dugento, Firenze, Valecchi, 1926.
- Ottokar N. I comuni cittadini del medioevo, 1936.
- Ottokar N. Venezia: cenni di cultura e di storia veneziane, Firenze, 1938.
- Ottokar N. Studi comunali e fiorentini, Firenze. La Nuova Italia, 1948.

Селунская Надежда Андреевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН; liquidmodernity@gmail.com

“Our” and “foreign” history

Medievalists between the World wars and social upheavals

National identity and historical memory are intellectual constructs made by historians and intellectuals and later deconstructed by them. At the analysis of these concepts, case studies, intellectual biographies, the “history of historians” seems to be a natural choice. The author focuses her attention on the efforts of the last generation of historians who used this concept to re-construct, not de-construct the notion, and on the biographies of medievalists and historians of Italy. Attractiveness of these biographies is explained by the author’s own research interests, but also by that medievalists (both in the first half of the 20th c., and later) were authoritative for all national community of historians, could switch to later periods of history and reacted to the challenges of contemporary world.

Keywords: historical memory, identity of historian, intellectual biography, medieval studies, Italian studies.

Selounskaya Nadezhda, PhD in History, senior research fellow, Centre for Intellectual History, Institute of World History (RAS); liquidmodernity@gmail.com